Максим Орлов

Эхо бездны. Книга 1: Давление

18+

ЭХО БЕЗДНЫ

Максим Орлов

Эхо бездны. Книга 1: Давление

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Эхо бездны. Книга 1: Давление / М. В. Орлов — «Автор», 2026 — (ЭХО БЕЗДНЫ)

Двадцать лет назад взрыв в Марианской впадине не уничтожил мир — он его сломал. Океан поднимается, анклавы тонут, а остатки человечества цепляются за жизнь на вершинах гор и ржавых платформах.Капитан Виктор Громов спускается на одиннадцать километров вниз — туда, где давление в тысячу атмосфер раздавливает сталь, где тьма абсолютна, где живут существа, которых не должно существовать. Его цель — «Слёзы Бездны», радиоактивные кристаллы, способные спасти его анклав от замерзания.Однако на дне он находит не сокровище. Он находит правду.Гигантский кальмар стережёт разлом — трещину в самой планете, которая гролит поглотить мир. Совет «Кроны» скрывал это двадцать лет. Совет лгал. Совет решал, кто достоин жить, а кто — нет.Теперь у Виктора есть выбор: подчиниться и выжить, или восстать и спасти мир — даже если цена — жизни тех, кого он любит.Бездна зовёт. Бездна ждёт. Бездна всегда отвечает.Постапокалиптический триллер о глубине, давлении и цене правды.

© Орлов М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: Падение «Объекта-7» 5
ГЛАВА 1. ДАВЛЕНИЕ 6
ГЛАВА 2. СТЕКЛЯННЫЙ КРАТЕР 12
ГЛАВА 3. ПРОБУЖДЕНИЕ БЕЗДНЫ 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Максим Орлов
Эхо бездны. Книга 1: Давление

ПРОЛОГ: Падение «Объекта-7»

Человечество ждало конца света с грохотом, готовое к водяной стене высотой с небоскреб, сметающей прибрежные мегаполисы, и к цепной реакции проснувшихся вулканов, добивающих всё, что пережило первую волну. Когда в Бездне Челленджера, на глубине одиннадцати километров, детонировал экспериментальный пятидесятимегатонный заряд «Объект-7», океан поступил иначе — он просто проглотил взрыв.

Довоенная наука оказалась права в краткосрочной перспективе: гигантский раскалённый пузырь расширился, однако чудовищное давление в тысячу атмосфер, составлявшее почти тонну на каждый квадратный сантиметр, сжало его обратно, заставив пульсировать до тех пор, пока энергия не рассеялась в холодной темноте. Глобального цунами не случилось, и кинематографический сценарий разбился о суровую физику.

Мир погиб не от огня и воды, а от человеческой гордыни, воплощённой в «Проекте Терморегуляция». К середине XXI века климатическая система Земли вступила в фазу необратимого коллапса: Тихий океан превратился в гигантский инкубатор для гипер-ураганов, стирающих континенты с лица земли. Радикальная коалиция учёных и военных решилась на отчаянный шаг, рассчитывая, что мощный направленный взрыв на границе тектонических плит вызовет контролируемый сдвиг. Целью было открытие глубинных геотермальных разломов, способных изменить температуру океанических течений и остудить планету.

Марианская впадина была выбрана не случайно — в секретных отчётах её называли «идеальной естественной капсулой». Логика казалась безупречной: одиннадцать километров воды сверху выступали в роли непробиваемого щита, навсегда запечатывающего радиацию и ударную волну в ловушке высокого давления. Где-то в кабинете сидел учёный, который за сорок минут до запуска предупреждал коллег о том, что тектоникой нельзя управлять, словно кувалдой в руках ребёнка. Его заглушили большинством голосов.

Взрыв не расколол тектонические плиты мгновенно, как предсказывали симуляции, — он их надломил, словно микротрещину в закалённом стекле, невидимую сразу, однако фатальную. В течение следующих двадцати лет океан медленно отравлялся радиоактивными изотопами и тяжёлыми металлами, вымываемыми из стекловидного кратера на дне. Глубинные течения изменились, началось цветение токсичных водорослей, вымирание рыбы и подъём уровня океана, сопровождаемый вечными кислотными туманами. Прибрежные зоны не смыло волной — они задохнулись, экосистемы рухнули, и наступила эра Постапа, не огненного, а мокрого, холодного и раздавливающего.

Спустя два десятилетия остатки человечества спускались обратно в эту Бездну, чтобы забрать то, что осталось от их спасения.

ГЛАВА 1. ДАВЛЕНИЕ

Вибрация начиналась в зубах.

Виктор Громов сжал челюсти сильнее, пытаясь унять ноющую тупую боль, которая поднималась от корней вверх, в виски. Это не была обычная боль. Это был голос титановой сферы, в которой они сидели, — голос металла, работающего на пределе, металла, который пел свою последнюю песню под весом восьми тысяч метров воды.

Он посмотрел на Аню. Пилот сидела неподвижно, словно вросла в кресло, её пальцы лежали на штурвале с той лёгкостью, которая обманывала. Виктор знал: эта лёгкость стоила ей побелевших костяшек и учащённого пульса, который он видел по жилке на её шее. Аня не смотрела на него. Её взгляд был прикован к сонару — к зелёному глазу, в котором рождалась и умирала тьма за бортом.

— Восемьсот сорок семь, — сказала она. Её голос звучал ровно, почти лениво, и именно это насторожило Виктора больше всего. Аня всегда говорила ровно, когда боялась. — Вибрация на семь процентов выше расчётной. Левый кормовой компенсатор работает с задержкой в ноль три.

— Принято.

Виктор не стал спрашивать, насколько это плохо. Он и сам знал. Компенсатор, работавший с задержкой, означал, что сфера дышала неровно — вжималась и выдыхала с микроскопическим опозданием, и каждый такой вдох-выдох снимал с обшивки микрон за микроном усталостную прочность. Через час сфера будет всё ещё цела. Через два — тоже. Через шесть — никто не обещал.

Он перевёл взгляд на Дэна. Инженер сидел спиной к ним, вгрызшись в панель манипулятора, его профиль был подсвечен красным светом аварийной лампы. Дэн что-то бормотал себе под нос — привычка, которая у него появлялась, когда он злился на машину. Виктор не стал его окликать. Дэн злился не на машину. Дэн злился на то, что манипулятор, на который они потратили три месяца пайков, работал через раз.

— Дэн, — тихо позвал Виктор.

Инженер не обернулся.

— Дэн.

— Слышу, слышу, — огрызнулся тот, не поднимая головы. — Если ты опять про манипулятор, то я тебе скажу одно: он живой. Он устал. Ему холодно. Ему, блядь, восемьсот атмосфер на жопу давит, и он хочет домой.

— Домой мы вернёмся с кристаллом или никак, — сказал Виктор. — Так что скажи ему, чтобы держал.

Дэн наконец обернулся. В красном свете его лицо казалось чужим — постаревшим, с глубокими тенями под глазами. Он был на десять лет моложе Виктора, но в этой красной полутьме, под этим весом воды, все выглядели одинаково — как люди, которые слишком долго смотрели в темноту.

— Держит, — сказал Дэн. — Пока держит. Но если нам придётся работать им на глубине больше десяти тысяч, я не ручаюсь за гидравлику. Жидкость там замерзает в ноль один.

— Значит, работать будем быстро.

— Ага. Быстро и аккуратно. Как сапёр на минном поле, только вместо мин — тектонический разлом, а вместо сапёра — я, с похмелья.

Виктор почти улыбнулся. Дэн умел сказать нужное слово в нужную минуту. Именно поэтому Виктор взял его в экипаж, хотя Аня была против. «Он ненадёжный», — говорила она. «Он живой», — отвечал Виктор. Под водой, на этой глубине, живые были дороже надёжных. Надёжные ломались первыми — когда понимали, что надёжность здесь ничего не стоит.

Сфера качнулась.

Это было едва заметно — на миллиметр, может быть, на два, — но Виктор почувствовал это всем телом. Аня почувствовала тоже. Её руки на штурвале дрогнули, и на мгновение — на одно короткое, страшное мгновение — Виктор увидел в её глазах то, что она прятала за маской спокойствия. Страх. Не за себя. За них. За то, что они все в этой сфере, и сфера — единственное, что стоит между ними и водой, которая весит больше, чем они могут вообразить.

— Что это? — спросил Виктор.

— Течение, — ответила Аня, и голос её снова стал ровным. Маска вернулась на место. — Глубинное. На этой глубине они бывают. Как подземные реки.

— Сильное?

— Нет. Но оно несёт взвесь. Ил, песок, мёртвую органику. Бьёт по корпусу, как наждачка. Медленно, но верно.

Виктор кивнул. Он знал это. Всё в этом мире работало медленно, но верно. Океан не убивал сразу — он точил. Точил металл, точил нервы, точил надежду. Двадцать лет назад он сделал то же самое с планетой, только в других масштабах.

— До цели? — спросил он.

— Две тысячи метров вниз. Курс — ноль семь на запад. Течение сносит, компенсирую боковыми.

— Принято.

Виктор откинулся в кресле. Он позволил себе закрыть глаза на секунду — ровно на одну секунду, — и в этой темноте, под веками, он увидел лицо учёного из довоенных архивов. Того самого, что предупреждал за сорок минут до взрыва. Лицо было##ным, стёртым временем, но голос — нет. Виктор слышал его каждый раз, когда спускался ниже пяти тысяч метров. «Вы не контролируете тектонику. Вы даёте кувалду в руки ребёнка».

Ребёнок ударил. Мир треснул. И теперь они все — Виктор, Аня, Дэн, все, кто дышал в анклавах на вершинах гор, — платили за этот удар. Платили по капле, по кристаллу, по каждому спуску в эту чёрную, холодную, давящую бездну.

— Контакт.

Голос Ани прозвучал как выстрел. Виктор открыл глаза.

— Где?

— Корма. Глубина восемь тысяч двести. Дистанция — тысяча двести метров. Три цели. Идут на сближение, скорость — двенадцать узлов.

Виктор повернулся к сонару. Три зелёных точки, выстроившиеся веером, медленно, но неотвратимо приближались к центру экрана — к ним. Он узнал этот почерк. Так ходили только «Падальщики».

— Синдикат, — сказал он. Не вопрос.

— Угу. — Аня не отрывала взгляда от экрана. — Угловатые силуэты, низкий профиль, дизель-электрические. Старые буровые, переделанные под торпедные. Двое — «Горгоны», один — «Молот». Я их по сигнатуре винта узнала.

«Молот». Виктор сжал челюсти. «Молот» belonged to Барону Крассу, и это означало, что дело не просто охотой за кристаллами. Красс не посылал «Молот» на обычные рейды. «Молот» был его личным кораблём, и если он здесь — значит, Красс знает о «Слезах» не меньше, чем они. А может, и больше.

— Дэн, — сказал Виктор.

— Уже иду. — Инженер оторвался от панели манипулятора и переполз к оружейной консоли. Его движения были резкими, отработанными — движения человека, который делал это сто раз. — Гидроакустические ловушки — заряжены. Две штуки. Гарпун — один выстрел, перезарядка под водой невозможна. Акустический излучатель — рабочий, но на глубине больше девяти тысяч он может нам же датчики выжечь.

— Понял. Ловушки — в расход. Гарпун — только по «Молоту». Излучатель — в резерве.

— А если «Горгоны» возьмут нас в клещи?

— Тогда будем надеяться, что им не заплатили за нашу смерть.

Дэн хмыкнул. Аня — не хмыкнула. Она вообще перестала дышать на секунду.

— Капитан, — тихо сказала она. — Они ускорились. Восемнадцать узлов.

Виктор посмотрел на экран. Три точки действительно шли быстрее. «Падальщики» поняли, что их обнаружили, и больше не прятались. Они шли на перехват — быстро, нагло, с той уверенностью, которая бывает у людей, знающих, что у жертвы нет выхода.

И они были правы. Выхода не было. Вверх — значит, пройти сквозь них. Вниз — значит, уйти на предельную глубину, где «Левиафан» и так работал на пределе. В стороны — значит, подставить борт, а борт у них был слабее носа и кормы.

— Аня, — сказал Виктор. — Курс — ноль девять на зюйд. Полный вниз.

Она повернула к нему голову. Впервые за последние два часа.

— Капитан. Там одиннадцать тысяч. Мы не рассчитаны.

— Они тоже.

— Разница в том, что они это знают. А мы — нет.

— Вот именно.

Аня смотрела на него ещё секунду. Потом кивнула. Она поняла. Виктор не собирался уходить от них — он собирался увести их туда, где они не посмеют следовать. Или где они последуют — и не вернутся.

— Полный вниз, — повторила она в интерком. — Дэн, готовь ловушки.

— Уже. — Инженер щёлкнул тумблерами. — Первая — через сорок секунд после сброса. Вторая — через минуту десять. Глубина срабатывания — восемь тысяч пятьсот.

— Принято.

Виктор ухватился за подлокотники. Сфера накренилась — медленно, неохотно, как животное, которому сказали идти туда, куда оно не хочет. Двигатели взвыли — высоко, пронзительно, на пределе оборотов. Вибрация усилилась, и теперь она шла не только через зубы, но и через позвоночник, через рёбра, через кончики пальцев.

— Восемь тысяч сто, — отсчитывала Аня. — Восемь тысяч двести. Скорость погружения — три метра в секунду. «Падальщики» — дистанция девятьсот. Не отстают.

— Пусть не отстают, — сказал Виктор. — Пусть думают, что мы удираем.

— А мы?

— А мы ведём их на стол.

Он посмотрел на экран. Три точки приближались, и теперь, при таком ракурсе, он мог почти почувствовать, как там, наверху, в своих ржавых консервных банках, сидят люди. Люди с гарпунами, с ножами, с той злой уверенностью, которая бывает у тех, кто слишком долго плавал в мутной воде и забыл, как выглядит солнце. Они думали, что охотятся. Они не знали, что их ведут.

— Восемь тысяч триста. Дистанция — семьсот.

— Ещё немного, — пробормотал Виктор. — Ещё немного, дети мои.

— Капитан. — Голос Ани дрогнул. — Сонар. Глубже. Что-то ещё.

Виктор перевёл взгляд на нижнюю часть экрана. И замер.

Там, в самой глубине, в слепой зоне, которую сонар обычно не захватывал, появилось нечто. Огромное. Настолько огромное, что поначалу он подумал — сбой датчика, помехи, отражение от дна. Но отражения не дышали. А это — дышало. Медленно, ритмично, с интервалом в четыре секунды.

— Размер? — спросил он.

Аня молчала секунду. Две. Три.

— Тридцать два метра, — сказала она наконец. — Может, больше. Движется... медленно. Но целенаправленно. Прямо на нас.

В рубке стало тихо. Даже двигатели, казалось, притихли. Дэн медленно повернул голову от консоли.

— Тридцать два? — переспросил он. — Это...

— Кальмар, — сказала Аня. — Призрачный. Я по сигнатуре узнала. Только такой... такого я никогда не видела.

Виктор смотрел на экран. Огромный силуэт медленно поднимался из темноты, как гора, встающая со дна моря. Тридцать два метра. Тридцать два метра живой плоти, которая дышала под давлением в восемьсот пятьдесят атмосфер и для которой их титановая сфера была не больше, чем орех для человека.

— Отключаем двигатели, — сказал Виктор.

— Что? — Дэн повернулся к нему. — Капитан, мы на полном вниз, если мы сейчас...

— Отключаем. Всё. Двигатели, сонар активный, внешние огни. Всё. Тишина.

Аня посмотрела на него. В её глазах больше не было страха. Там было что-то другое — то, что Виктор видел у неё только один раз, много лет назад, когда они выходили из торпедной атаки на «Нео-Шанхай». Это было понимание. Понимание того, что иногда единственный способ выжить — это перестать быть целью.

— Отключаю, — сказала она.

Щелчок. Гул двигателей оборвался, как обрезанная нить. В рубке стало так тихо, что Виктор услышал, как стучит его собственное сердце. Аварийная подсветка — только она одна — бросала красные тени на лица экипажа.

— Глубина — восемь тысяч четыреста, — шепотом сказала Аня. — Идём по инерции. Скорость — ноль восемь.

— Сонар пассивный?

— Работает. Только слушает.

Виктор кивнул. Он смотрел в иллюминатор — в маленький, толстый, многослойный кварцевый круг, за которым была тьма. Абсолютная, плотная, живая тьма. И в этой тьме — что-то, что было больше их, быстрее их и, возможно, голоднее их.

— Дистанция до «Падальщиков»? — шепнул он.

— Четыреста метров. Не отстают.

— А до... того?

— Двенадцать сотен. Поднимается.

Виктор закрыл глаза. Он считал. «Падальщики» — четыреста метров, идут на скорости восемнадцать узлов. Кальмар — тысяча двести метров, поднимается медленно, но неумолимо. Если «Падальщики» пройдут сквозь них — а они пройдут, потому что у них нет выбора, — они упрутся в кальмара. И тогда начнётся настоящее.

— Капитан, — шепнул Дэн. — Гарпун. Заряжен.

— Нет. — Виктор не открыл глаз. — Не сейчас. Если мы выстрелим, мы станем целью. Для всех.

— А если не выстрелим?

— Тогда мы станем тишиной. А тишину кальмары не едят.

Дэн не ответил. Он понял.

Сфера медленно, по инерции, шла вниз. За бортом — тьма. В тьме — трое охотников, которые думали, что они охотятся. И в тьме, ниже, — нечто, что не думало. Нечто, что просто было.

— Дистанция до «Падальщиков» — триста метров, — шепнула Аня. — Они... они замедлились.

Виктор открыл глаза.

— Почему?

— Не знаю. Может, что-то услышали. Может...

Она не закончила. Ей не нужно было заканчивать. Виктор понял. «Падальщики» услышали то, что услышали они. Они услышали дыхание Бездны. И испугались.

— Дистанция до... того — восемьсот метров.

Сфера качнулась.

На этот раз — не от течения. На этот раз — от чего-то другого. Что-то мягкое, но тяжёлое, обвило корпус. Виктор почувствовал это через металл, через кресло, через кожу. Щупальце. Толщиной с его бедро, может быть, больше. Оно гладило сферу — медленно, осторожно, как ребёнок гладит незнакомую игрушку.

— Давление на корпус растёт, — шепнула Аня. — Локально. В кормовой части.

— Оно сжимает нас, — сказал Дэн. Голос его был ровным, но Виктор видел, как инженер сглотнул. — Оно пробует нас на зуб.

— Не двигайтесь, — сказал Виктор. — Никто. Ничего.

Щупальце сжалось сильнее. Металл заскрипел — низко, протяжно, так, что у Виктора свело скулы. Это был не звук разрушения. Это был звук предупреждения. Существо говорило им: «Я могу».

— Капитан, — прошептал Дэн. — Гарпун.

— Нет.

— Капитан...

— Нет, Дэн. Если мы выстрелим, оно нас раздавит. Не потому, что разозлится. А потому, что испугается. А испуганное существо в восемьсот атмосфер — это не враг. Это стихия.

Щупальце сжалось ещё раз. Сфера стонула. Аня держала штурвал так, будто от этого зависело всё на свете, хотя штурвал был отключён. Дэн держал руку над кнопкой гарпуна, но не нажимал.

И тогда — существо отпустило.

Мягко, почти неохотно, щупальце скользнуло по корпусу и исчезло в темноте. За ним — второе. Третье. Давление на корпус начало падать. Скрип прекратился.

— Уходит, — выдохнула Аня.

— Нет, — сказал Виктор. — Не уходит. Отходит.

Он посмотрел на сонар. Огромный силуэт действительно отступил — медленно, величественно, как уходящая туча. Но он не ушёл далеко. Он остался — в ста метрах от них, в слепой зоне, и дышал. Ждал.

— Оно... охотится? — спросил Дэн.

— Нет, — сказал Виктор. — Оно стережёт.

— Что?

Виктор посмотрел вниз — в ту сторону, где, за километрами воды, лежала Бездна. Где лежали «Слёзы». Где лежало всё, ради чего они сюда спустились.

— Всё, — сказал он. — Оно стережёт всё.

В рубке снова стало тихо. Только стук сердца — три сердца в трёх разных грудях — и тихое, ритмичное дыхание чего-то огромного за бортом.

— Капитан, — тихо сказала Аня. — «Падальщики». Они... ушли.

Виктор посмотрел на экран. Трёх зелёных точек больше не было. «Падальщики» развернулись и ушли — быстро, панически, с той скоростью, с которой уходят те, кто понял, что зашёл слишком далеко.

— Умные мальчики, — пробормотал Дэн.

— Да, — сказал Виктор. — Умные.

Он посмотрел на Аню.

— Включай двигатели. Тихий ход. Курс — прежний.

— Капитан... а если оно...

— Оно знает, что мы здесь. Оно знает, куда мы идём. И оно нас не остановило.

— Почему?

Виктор посмотрел в иллюминатор — в тьму, в которой что-то огромное дышало.

— Потому что, — сказал он, — оно хочет, чтобы мы туда спустились.

Аня молчала секунду. Потом кивнула.

— Поняла. Включаю.

Двигатели ожили — тихо, почти шёпотом. Сфера снова начала погружаться — медленно, осторожно, как гость, которого пустили в дом, но не сказали, что хозяин — людоед.

Виктор откинулся в кресле. Он смотрел в потолок рубки — в тёмный, потёртый металл, на котором кто-то, очень давно, ногтем выцарапал слово. Он не мог разобрать его при красном свете, но знал наизусть.

«Возвращайся».

Он возвращался. Каждый раз.

И каждый раз — что-то внизу ждало, чтобы он вернулся снова.

ГЛАВА 2. СТЕКЛЯННЫЙ КРАТЕР

Последние два километра воды оказались гуще, чем всё, что лежало выше.

Виктор не умел объяснить это иначе. Вода не становилась плотнее — законы физики оставались законами физики, — однако что-то в ней менялось. Свет прожекторов, пробивавший восемь тысяч метров тьмы без единой потери, теперь рассеивался в первых же метрах, словно натыкался на невидимую стену. Частицы. Мельчайшая взвесь, поднимавшаяся со дна, — мёртвая органика, пепел древних вулканов, осколки того, что океан перемалывал тысячелетиями.

— Видимость — три метра, — доложила Аня. Её голос звучал так, будто она читала сводку погоды в курортный сезон. — Прожекторы бесполезны. Перехожу на сонар.

— Принято.

Виктор посмотрел на главный экран. Зелёный глаз сонара рисовал рельеф дна — медленно, штрих за штрихом, как слепой художник, ощупывающий мир кончиками пальцев. Внизу, в самом низу экрана, проступали очертания. Не скалы. Не ил. Что-то другое.

— Что это? — спросил Дэн, наклонившись к экрану.

— Ровно, — ответила Аня. — Слишком ровно. Природа не делает прямых линий.

Она была права. На глубине десять тысяч девятьсот метров, там, где давление перевалило за тысячу атмосфер, дно было гладким, как полированный стол. Ни холмов, ни впадин, ни следов течения. Просто — плоскость. Чёрная, мертвая, идеально плоская плоскость, простиравшаяся на сотни метров во все стороны.

— Стекловидная порода, — сказал Виктор. — Это оно. Эпицентр.

Он помнил довоенные отчёты. Когда «Объект-7» detonировал, температура в эпицентре на мгновение превысила температуру на поверхности Солнца. Давление в тысячу атмосфер не дало энергии уйти вверх — оно вдавило её вниз, в донную породу, и порода не выдержала. Она расплавилась. Потом — мгновенно, за доли секунды — застыла снова, превратившись в стекло. Чёрное, радиоактивное, мёртвое стекло, которое теперь покрывало дно Бездны, как корка на старой ране.

— Глубина — десять тысяч девятьсот пятьдесят, — отсчитывала Аня. — До дна — пятьдесят метров.

— Стоп ход.

Сфера замерла в пятидесяти метрах над поверхностью. Виктор наклонился к иллюминатору — к тому маленькому, толстому кварцевому кругу, за которым была тьма. Он включил подсветку манипулятора — узкий, мощный луч, бивший прямо вниз.

Он увидел.

Стекло. Чёрное, как сама тьма, однако не совсем мёртвое. В его глубине, словно вмурованные в саму породу, светились они. «Слёзы». Кристаллы размером с кулак, с голову, с человеческое тело — разные, однако все одинаково прекрасные в своём чужом, не земном свечении. Они горели холодным голубовато-зелёным светом, тем самым черенковским излучением, о котором говорили довоенные учебники. Свет не рассеивался — он лежал в стекле, как свет в янтаре, застывший навсегда.

— Боже мой, — выдохнул Дэн. — Их тут... их тут тысячи.

— Десятки тысяч, — поправила Аня. — Сканер показывает концентрацию — три кристалла на квадратный метр. Местами — до десяти.

Виктор смотрел вниз, и что-то в его груди сжималось. Это было красиво. Это было красиво так, как бывает красиво только то, что убивает. Двадцать лет назад здесь detonировала бомба, и вот что она оставила после себя — не кратер, не пепел, а сад. Сад из света и стекла, замурованный под одиннадцатью километрами воды.

— Капитан, — тихо сказала Аня. — Сонар.

— Что?

— Кальмар. Он... он опустился вместе с нами. Дистанция — двести метров. Прямо над нами.

Виктор поднял голову. Он не видел его — прожектор бил вниз, а не вверх, — однако он чувствовал его. Чувствовал, как что-то огромное висит над ними в темноте, как туча, как угроза, как молчание перед грозой.

— Не двигается?

— Нет. Завис. Дышит.

— Пусть дышит. — Виктор перевёл взгляд на Дэна. — Готовь манипулятор. Нам нужен один кристалл. Чистый, неповреждённый, не меньше двадцати сантиметров в поперечнике.

— Один? — Дэн удивлённо поднял брови. — Капитан, мы ради одного кристалла сюда спустились?

— Мы спустились, чтобы убедиться, что они существуют. Что это не слухи, не байки «Падальщиков». Один кристалл — это доказательство. С доказательством мы вернёмся и возьмём столько, сколько нужно.

— А если не вернёмся?

— Тогда доказательство найдут те, кто придёт после нас.

Дэн хмыкнул, однако спорить не стал. Он развернулся к консоли манипулятора и начал последовательность запуска. Гидравлическая рука — трёхметровая, из титанового сплава, с пятью степенями свободы — ожила с тихим, едва слышным жужжанием. Виктор слышал это жужжание через корпус — звук, который не должен был доходить сквозь металл и воду, однако доходил. Звук, который говорил: «Я здесь. Я работаю. Я жив».

— Манипулятор — рабочий, — доложил Дэн. — Выдвигаю.

На экране появилась картинка с камеры манипулятора — мутная, зернистая, однако достаточно чёткая. Рука медленно, миллиметр за миллиметром, опускалась вниз, к стеклу. Виктор следил за каждым движением — за тем, как пальцы манипулятора раздвигаются, как они приближаются к кристаллу, выбранному Дэном. Кристалл был размером с ладонь, голубовато-зелёный, с ровными гранями. Идеальный.

— Контакт, — сказал Дэн. — Захватываю.

Пальцы сомкнулись. Кристалл не сопротивлялся — он просто лежал в стекле, как жемчужина в устрице, и теперь, когда его вытащили, он висел в пальцах манипулятора, светясь всё тем же холодным светом.

— Тащу наверх.

Рука начала подниматься — медленно, осторожно, как сапёр, несущий бомбу. Виктор смотрел на экран, и что-то в его груди сжималось всё сильнее. Это было неправильно. Это было слишком легко. Двадцать лет сюда никто не спускался — потому что все знали, что здесь смерть. Они спустились, и всё, что им нужно было сделать, — это протянуть руку и взять.

— Капитан, — тихо сказала Аня. — Давление на манипулятор растёт.

— Что?

— Кристалл. Он... он горячий. Температура — плюс сорок два градуса. Гидравлика начинает разжижаться.

Виктор посмотрел на экран. Кристалл в пальцах манипулятора светился чуть ярче, чем раньше. Не намного — едва заметно, — однако он светился. Пальцы манипулятора, которые его держали, дрожали.

— Дэн, быстрее.

— Работаю.

Рука поднималась — медленно, слишком медленно. Кристалл приближался к брюху сферы, где открывался грузовой шлюз. Ещё десять метров. Ещё пять. Ещё три.

Земля дрогнула.

Это не было землетрясением в привычном смысле. Землетрясения сотрясают, трясут, бросают из стороны в сторону. Это было другое. Это был удар — короткий, резкий, как будто кто-то ударил гигантским молотом по наковальне, на которой лежала вся планета. Удар, который прошёл не через воду, а через саму породу, через стекло, через кристаллы, через манипулятор, через сферу, через их тела.

— Что это было? — крикнул Дэн.

— Тектоника, — ответила Аня. Её голос сорвался на визг. — Сдвиг плиты. Глубина очага — три километра под нами. Магнитуда —

Она не закончила. Ей не нужно было заканчивать. Виктор увидел это на экране сонара.

Стекло под ними треснуло.

Трещина пошла от центра — от того места, где они висели, — узкой, однако глубокой линией, как удар ножом по льду. Основная трещина была неширокой — метров двадцать, может, тридцать, — однако она уходила вниз, в недра, и из неё начал подниматься свет.

Не голубовато-зелёный свет «Слёз». Другой. Красный. Горячий. Свет расплавленной породы, света магмы, света того, что лежало под дном океана миллионы лет и теперь, после двадцати лет ожидания, вырывалось наружу.

— Всплытие! — закричал Виктор. — Полный вверх! Немедленно!

— Манипулятор! — крикнул Дэн. — Кристалл ещё не в шлюзе!

— Отрезай руку!

— Что?!

— Отрезай руку, я сказал! Аварийный пиропатрон! Отрезай!

Дэн ударил по кнопке. Раздался глухой хлопок — звук пиропатрона, срабатывающего в аварийной ситуации. Рука манипулятора отделилась от корпуса — вместе с кристаллом, вместе с тремя месяцами пайков, вместе с единственной надеждой на то, что они вернутся не с пустыми руками.

Сфера рванула вверх — так резко, что Виктора вдавило в кресло, а Аня вскрикнула, ухватившись за штурвал. Двигатели взвыли на пределе, вибрация достигла такого уровня, что зубы начали стучать друг о друга.

— Глубина — десять тысяч восемьсот! — кричала Аня. — Скорость всплытия — ноль семь пять метра в секунду!

— Мало! — крикнул Виктор. — Дай ещё!

— Двигатели на пределе! Больше не даст! Декомпрессия!

Виктор посмотрел на экран сонара. Похолодел.

Трещина расширялась. Она уже не была узкой линией — она была пастью, которая открывалась под ними, становилась всё шире, всё глубже, всё ненасытнее. Из этой пасти поднималось нечто — столб перегретой воды, пара и газа, столб, который бил вверх с такой силой, что сонар не мог зафиксировать его границы.

— Нас догонит, — сказала Аня. Её голос был ровным. Тем самым ровным голосом, которым она говорила, когда боялась больше всего. — Этот столб. Он догонит нас на глубине восемь тысяч. Убьёт.

— Знаю, — сказал Виктор.

— Капитан, — тихо сказал Дэн. — Кальмар.

Виктор перевёл взгляд на верхнюю часть экрана. Кальмар — тридцать два метра живой плоти — двигался. Не вверх. Не вниз. В сторону. В сторону от них, к трещине.

— Он... он уходит? — спросил Дэн.

— Нет, — сказал Виктор. — Он идёт к разлому.

— Зачем?

Виктор посмотрел на существо, которое было больше их, старше их и, возможно, мудрее их. Оно шло к трещине — медленно, величественно, как паломник, идущий к святыне. Виктор понял.

— Он не стережёт «Слёзы», — сказал он. — Он стережёт разлом. Двадцать лет он стережёт разлом, чтобы никто не подошёл слишком близко. Разлом открылся, и он идёт туда, чтобы закрыть его.

— Чем? — спросила Аня. — Своим телом?

— Может быть.

Они не успели ответить. Сфера качнулась — не от удара, не от течения, а от чего-то другого. От чего-то, что поднималось снизу, догоняло их, настигало.

— Столб! — крикнула Аня. — Дистанция — триста метров! Догоняет!

Виктор ухватился за подлокотники. Он знал, что будет дальше. Он знал, что перегретая вода, догоняя их, ударит в корпус, и температура подскочит, и системы охлаждения не справятся, и сфера станет консервной банкой, которую варят в кипятке. Он знал, что у них есть минута. Может, две.

— Аня, — сказал он. — Курс — ноль четыре на зюйд. В сторону.

— Что?! Капитан, если мы свернём, столб нас заденет!

— Заденет. Однако по касательной. Если мы пойдём прямо вверх — ударит в лоб.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Я надеюсь.

Аня посмотрела на него — секунду, две, три. Потом кивнула.

— Курс — ноль четыре. Поворот.

Сфера накренилась — медленно, неохотно, как животное, которое не хочет умирать, однако ещё меньше хочет подчиняться. Двигатели взвыли сильнее, вибрация достигла такого уровня, что Виктор почувствовал, как пломба в заднем зубе начала крошиться.

Столб догонял. Двести метров. Сто пятьдесят. Сто.

Кальмар достиг разлома.

Виктор увидел это на сонаре. Огромный силуэт — тридцать два метра — вошёл в трещину. Не упал. Не нырнул. Вошёл — медленно, осознанно, как человек, входящий в дверь. Он расправил щупальца — во все стороны, заполняя собой узкий канал, — и трещина — трещина, которая расширялась, которая грозила поглотить их всех, — начала сужаться.

— Что он делает? — прошептала Аня.

— Закрывает, — сказал Виктор. — Своим телом.

Они не успели понять больше. Столб настиг их.

Удар был жёстким — как удар гигантской руки, которая швырнула сферу в сторону. Температура за бортом подскочила до плюс шестидесяти — системы охлаждения взвыли, завыли так, что Виктор почувствовал, как от них идёт жар через переборку. Сфера качнулась, как щепка в волне, и пошла дальше — вверх, вверх, вверх, прочь от разлома, прочь от Бездны, прочь от того, что происходило внизу.

— Температура падает, — доложила Аня. Её голос дрожал. — Плюс сорок. Плюс тридцать. Плюс двадцать.

— Мы живы? — спросил Дэн.

— Мы живы, — сказал Виктор.

Он посмотрел на экран сонара. Трещина сужалась — медленно, однако неумолимо. Кальмар был внутри неё, и его тело — тридцать два метра живой плоти — служило пробкой, затычкой, жертвой. Разлом закрывался. Не полностью — никогда полностью, — однако достаточно, чтобы столб прекратился. Достаточно, чтобы они выжили.

— Он... он погиб? — тихо спросила Аня.

— Не знаю, — сказал Виктор. — Может быть. Может быть, он просто делает то, что делал двадцать лет. Стережёт.

Он откинулся в кресле. Зубы всё ещё стучали. Пломба крошилась. Вибрация не уходила. Они были живы. Они всплывали. У них не было кристалла.

— Капитан, — тихо сказал Дэн. — Мы вернёмся с пустыми руками.

— Нет, — сказал Виктор. — Мы вернёмся с историей. История — это лучше, чем кристалл.

Он закрыл глаза. В темноте, за веками, он увидел кальмара, входящего в разлом. Увидел его медленно, осознанно, как паломник, идущий к святыне. Понял, что Бездна — не место. Бездна — это существо. Оно только что показало им, что оно — живое.

ГЛАВА 3. ПРОБУЖДЕНИЕ БЕЗДНЫ

Всплытие заняло четыре часа.

Четыре часа, в течение которых «Левиафан-4» медленно, метр за метром, поднимался из той тьмы, в которую они опускались меньше суток. Виктор считал эти метры не по приборам — по ощущениям. С каждым километром вверх что-то в его теле менялось. Давление падало, и вместе с ним уходило то невидимое напряжение, которое держало мышцы в готовности к имплозии. Тело, привыкшее к тому, что каждую секунду может стать облаком пузырьков, теперь не знало, что делать со свободой.

Аня вела сферу молча. Её руки на штурвале двигались с той же механической точностью, с которой они работали на глубине, однако Виктор видел — по тому, как она реже моргает, по тому, как её плечи постепенно опускаются, — что она тоже чувствовала это. Они поднимались из могилы, и могила отпускала их неохотно.

Дэн сидел у консоли манипулятора и смотрел на пустое место, где ещё несколько часов назад была гидравлическая рука. Три месяца пайков. Три месяца, которые они с Виктором отрабатывали на «Рифе», меняя еду на запчасти, торгуясь с механиками Синдиката, обещая долю с будущей добычи. Всё это ушло вместе с рукой. С кристаллом. С надеждой на то, что они вернутся героями.

— Девять тысяч, — сказала Аня. — Давление — девятьсот двадцать атмосфер.

— Принято.

— Температура за бортом — плюс четыре. Нормализуется.

— Принято.

Виктор посмотрел на экран сонара. Кальмара больше не было. Огромный силуэт исчез — либо ушёл глубже, либо... Виктор не хотел думать о втором варианте. Он смотрел на пустой экран и пытался убедить себя, что существо просто ушло. Что оно сделало то, что должно было сделать, и теперь покоится где-то в недрах разлома, став частью того, что стерегло.

— Восемь тысяч, — продолжила Аня. — Сонар чист. Никого вокруг.

— «Падальщики»?

— Ушли. Давно. Судя по сигнатуре, они шли на полной скорости к поверхности, когда мы ещё были в эпицентре.

Виктор кивнул. «Падальщики» испугались не меньше их. Они услышали удар, почувствовали, как вода вокруг них задрожала, и поняли, что охота закончилась. Что здесь, внизу, есть что-то большее, чем кристаллы и добыча. Что-то, перед чем даже самые отчаянные наёмники Синдиката предпочитали отступить.

— Семь тысяч.

Сфера продолжала подниматься. Виктор закрыл глаза и позволил себе на минуту — только на одну минуту — забыть о том, что они вернутся с пустыми руками. Он думал о кальмаре. О том, как он вошёл в разлом — медленно, осознанно, как человек, входящий в дверь. О том, как его тело — тридцать два метра живой плоти — стало пробкой, затычкой, жертвой. Виктор не знал, было ли это инстинктом, разумом или чем-то большим. Он знал только, что существо сделало выбор. Что этот выбор спас им жизни.

— Шесть тысяч.

— Капитан, — тихо сказал Дэн. — Что мы скажем Совету?

Виктор открыл глаза.

— Правду.

— Правду? — Дэн повернулся к нему, и в его взгляде было то, что Виктор видел у многих, кто слишком долго плавал в мутной воде. Усталость. Не физическая — та, что проходит после

сна. Усталость от того, что правда никогда не бывает тем, чего от неё ждут. — Капитан, они не примут правду. Они примут кристалл. Или ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.